

III. ГЛАБАЛІЗАЦЫЯ: ІНФАРМАЦЫЙНА-ЭКАНАМІЧНЫ АСПЕКТ

Варич В.Н. (БрГТУ, Брест)

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Возникновение и совершенствование электронных средств массовой коммуникации является следствием индустриально-технологического развития конца XIX - XX века и одновременно может быть рассмотрено как необходимое условие становления современного информационного общества. Канадский культуролог М. Маклюэн оценивает погружение человека в миф в условиях информационного социума в качестве конечной цели исторического развития. В его интерпретации весь исторический процесс выступает как последовательная смена средств коммуникации. Первый этап истории - это эпоха дописьменного варварства, на протяжении которой преобладает устная коммуникация, а индивид не отделяет себя от окружающего мира и от общины. Второй этап - эпоха кодификации, во время которой происходит распад единого племенного сознания, а орудием разложения мышления и бытия становится письменное слово, алфавит. Письменность нарушает естественную коммуникацию, ведет к одиночеству, к утрате непосредственной причастности индивида к социальному целому. Изобретение печатного станка нарушает «сенсорный баланс» в восприятии мира, человек общается с миром в основном с помощью зрения и видит только черное и белое. Этот этап Маклюэн называет «галактикой Гуттенберга», эпохой отчуждения. Третий этап - это время господства электронных средств массовой коммуникации, аудиовизуальная эпоха, которая избавляет человека от тирании печати и негативных проявлений рационализма. Телеграф, телефон, радио, кино, телевидение и компьютерные средства связи восстанавливают цельное восприятие мира, реальность становится конкретной и многоцветной. Человек включается в событие в момент получения информации о нем, а рациональное мышление со свойственным ему аналитизмом сменяется эмоционально насыщенными чувственными образами, происходит возврат к коллективному бессознательному.

Электронная техника перестраивает схемы социальной взаимозависимости и все сферы личной жизни индивидов. По мнению Маклюэна, социальная жизнь в большей степени зависит от характера средств, при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от содержания их сообщений. Так, азбука усваивается совсем маленьким ребенком почти бессознательным образом, слова и их значение предрасполагают ребенка думать и действовать автоматически, поэтому письменность и книгопечатание поддерживают и поощряют процесс разъединения, специализации и обособления. Электронные средства коммуникации, напротив, питают и поощряют процессы объединения и конгломерации. Электронная связь уничтожает господство «времени» и «пространства» и втягивает каждого человека немедленно и непрерывно в заботы всех других людей, переводя диалог в глобальные масштабы. Миссия такого диалога в конеч-

ном итоге заключается в том, что он кладет конец психической, социальной, экономической и политической изоляции. Старые гражданские, государственные и национальные группировки становятся все более недейственными. Мир различий в настоящее время пролегает не между народами или между социальными группами, а между современной домашней средой, объединенной электронной информацией и классной комнатой.

В доалфавитных обществах доминирующим источником ощущений и общественной ориентации был слух, человек жил в акустическом пространстве, лишенный границ, направления и горизонта, в мире эмоций, первобытной интуиции и ужаса. Появление фонетического алфавита привело к радикальной переориентации человека в мире и выступило в качестве социального путеводителя, поскольку «магический мир уха» уступил место «нейтральному миру глаза». Алфавит является системой, состоящей из отдельных фрагментов, которые не имеют собственного семантического значения и которые должны составлять в одну линию в предписанном порядке. Его использование приводит в тому, что человек привыкает воспринимать всякую среду в визуальных и пространственных рамках, причем пространство и время в таком восприятии однородны, постоянны и взаимозависимы. Разделение видов деятельности и аналитические методы в познании отражают ступенчатый линейный бюрократизирующий процесс, внутренне присущий алфавитной технике. Книгопечатание утверждает и усиливает акцент на «видение» в отличие от «слушания», обеспечивая появление единообразного размножаемого «товара» - портативной книги, которую можно читать в уединении изолированно от других. Благодаря книгопечатанию в европейской культуре появляется возможность личной установившейся точки зрения, а грамотность создает условия для обособления и изоляции.

Моментальная связь электронно-информационных средств превращает мир в «глобальную деревню» (понятие принадлежит Маклюэну), упраздняет пространство и время, делает восприятие ситуативным. Замкнутая связь через электронные системы плотно соединяет людей друг с другом, информация изливается на потребителей мгновенно и перманентно. Как только информация получена, она сразу же заменяется еще более свежей. Формируемый электроникой мир вынуждает человека отойти от привычки классифицировать факты и способы узнавания по типам. Более невозможно строить картину мира секционнно, фрагмент за фрагментом, потому что немедленная информация обеспечивает сосуществование всех факторов внешней среды и личного опыта. Если печатная техника формировала публику, состоящую из отдельных индивидов с собственной точкой зрения, то электронная техника создает массу с усредненным восприятием мира.

Ж. Бодрийяр в статье «Реквием по масс-медиа» отмечает специфику современных средств массовой коммуникации, которые продуцируют социальное отношение не в качестве носителя содержания, но самой своей формой и своей реализацией, и это социальное отношение является отношением абстрагирования, обособления и уничтожения обмена. Средства массовой коммуникации предстают в качестве антипродовни-

ка, они нетранзитивны и антикоммуникативны, если принимать определение коммуникации как обмена, как пространства взаимосвязи слова и ответа, а следовательно, и ответственности. Они не обладают психологической и моральной ответственностью, но выступают в качестве личностной корреляции обеих сторон в процессе обмена. Коммуникация представляет собой нечто иное, чем просто передачу и прием информации; в процессе коммуникации информация подвержена обратимости в форме обратной связи. Специфика современных СМК заключается в том, что они делают невозможным процесс обмена, разве что в формах симуляции ответа, которые сами оказываются интегрированными в процесс передачи информации и в силу этого никак не влияют на односторонненность коммуникации. Именно на этой абстрактности современной коммуникации основывается система социального контроля и власти в современном обществе.

В примитивных обществах власть принадлежит тому, кто способен ее дать и кому она не может быть возвращена. Власть разрывает процесс обмена в свою пользу и устанавливает монополию - тем самым социальный процесс оказывается нарушенным. Вернуть отданное означает разрушить властные отношения и образовать на основе антагонистической взаимосвязи цепь символического обмена. То же самое происходит в современных средствах массовой коммуникации: нечто оказывается произнесенным, но при этом произнесенным таким образом, чтобы на эти слова не было получено никакого ответа.

По словам Бодрийяра, в настоящий момент общество находится в состоянии не-ответа, безответственности: «первым и самым прекрасным из всех масс-медиа является избирательная система: ее вершиной выступает референдум, в котором ответ уже заключен в вопросе; равно как и в разного рода опросах слово везде отвечает самому себе посредством уловки, замаскированной под ответ, и здесь также абсолютизация слова под формальной личиной обмена выступает в виде самого определения власти. <...> Статус *потребителя* обрекает сегодня на положение ссыльного, а обобщенный порядок потребления представляет собой не что иное, как порядок, при котором не дозволяется давать, возвращать, обменивать, а разрешается только брать и использовать (присвоение, индивидуализированная потребительская стоимость). В этом смысле блага «потребления» являются также и средством соглашения масс: они отвечают уже описанной нами общей форме. Их специфическая функция не играет почти никакой роли - потребление продуктов и содержания сообщений есть установление абстрактных общественных отношений, есть запрет, налагаемый на любую форму ответа и обратимости». [1]

И предмет потребления, и референдум, и любое содержание сообщений, которое средства массовой коммуникации делают функциональным, осуществляют контроль над разрывом, возникновением смысла, критикой. Обладание телевизором или видеокамерой дает ничуть не больше возможностей, чем обладанием холодильником или тостером. Нельзя дать ответ функциональному предмету; функция такого предмета - интеграция слова, на которое уже дан ответ и которое не оставляет места для игры и взаим-

ных ставок. Поэтому телевидение, с точки зрения Бодрийяра, не может быть поставлено на службу полицейскому режиму, как в романе-антиутопии Оруэлла. Самим своим существованием телевидение осуществляет контроль над самим собой, поскольку исходит из уверенности в том, что люди больше не разговаривают между собой, что они окончательно изолированы перед лицом слова, лишенного ответа.

В современном мире любое событие выступает в качестве детонатора, а средства массовой коммуникации - в роли резонатора. Распространяя сообщение о событии в абстрактной всеобщности общественного мнения, они навязывают событию внезапное и несоразмерное развитие, и самим этим принудительным и ускоренным развитием лишают динамику происходящего присущего ему ритма и собственного ему смысла. Даже подрывное действие дает результат лишь в зависимости от его способности к воспроизводству: оно производится как модель, как жест; символическое переходит из разряда самого производства смысла (политического или иного) в разряд своего воспроизводства, в бюрократическую модель. Любое мелкое событие благодаря мощи средств распространения может получить социальный и исторический размах. Конфликтуализация событий, заполнявших прежде газетные хроники, обретает новый смысл, в происшествиях кристаллизуются новые формы политики, которые в значительной степени возникают благодаря средствам массовой коммуникации: под внешним покровом событий возникает политическое измерение, но точно так же благодаря СМК происшествия повсюду захватывают политику. Происшествие изменило в массовой культуре сам свой статус: из второстепенной категории оно превратилось во всеобщую систему мифологической интерпретации, тесную сеть моделей значимости, из которой не может ускользнуть ни одно событие. По мнению Бодрийяра, в этом заключается суть развития средств массовой коммуникации, которые не просто представляют собой совокупность технических средств для распространения содержания информации, а производят навязывание моделей. Передаче подлежит не то, что проходит через прессу, телевидение, Интернет, но то, что улавливается формой, знаком, оказывается артикулировано в моделях, управляется кодом. Такого рода принудительная социализация имеет стратегическое значение в качестве системы социального контроля.

Маклюэн полагает, что средства массовой коммуникации производят революцию, они и есть сама революция, независимо от их содержания, благодаря только своей технологической структуре. В настоящее время человечество вступило в эру мгновенной коммуникации. Современники Бодрийяра, взгляды которых он подвергает критике, считают, что СМК контролируются властью, поэтому их необходимо вырвать из ее рук посредством взятия власти, или приведя их в полное расстройство при помощи акцентирования их разрушающего воздействия. В этом случае СМК также рассматриваются лишь как сообщение. Развитием данной точки зрения Бодрийяр считает представление неомарксистов о том, что нынешние средства массовой коммуникации благодаря своей структуре и развитию включают в себя потенциальные возможности социалистиче-

ского производства и демократизации коммуникации, рационализации и универсализации информации, и задача заключается в высвобождении этого потенциала. Оба представления Бодрийяр считает стратегическими иллюзиями, причину которой он видит в том, что критика разрушительного воздействия СМК, равно как и попытки использовать их потенциал для преобразования общества, основаны на всеми принимаемой теории коммуникации. Согласно этой теории, исходной единицей коммуникации является такая последовательность: передающая инстанция - сообщение - принимающая инстанция (кодирующая инстанция - сообщение - декодирующая инстанция). Каждый процесс коммуникации имеет одну направленность - от передающей инстанции к принимающей; последняя, в свою очередь, также может стать передающей инстанцией, и коммуникация всегда может быть сведена к этому простому единству, в котором оба полярных понятия никогда не меняются местами. Такая структура считается объективной и научной, поскольку она следует аналитическому методу расчленения объекта на простые элементы. На деле же, как замечает Бодрийяр [1, с. 213], она довольствуется формализацией эмпирических данных, абстрагированием от очевидного и от переживаемой реальности, т.е. от категорий идеологии, используемых для объяснения определенного типа связи - того, в котором один говорит, а другой - нет, в котором один имеет право на выбор кода, другой же свободен единственно подчиниться ему или уклониться. Оба термина в этой структуре искусственно изолируются, а затем искусственно объединяются при помощи объективированного содержания, называемого сообщением («message»). Между ними не существует ни обоюдной связи, ни следов присутствия одного из них в другом, потому что оба термина определяются изолированно по их отношению к передаваемому содержанию и к коду, «интермедиуму», поддерживающему тот и другой термин в соответствующем положении на расстоянии друг от друга. Эта научная конструкция, по Бодрийяру, представляет собой модель симуляции коммуникации, из которой изначально исключены обоюдность, антагонизм партнеров или амбивалентность их обмена. В коммуникации, осуществляемой таким образом, циркулирует информация, содержание и смысл которой предполагается хорошо читаемым и однозначным. Именно инстанция кода гарантирует эту однозначность и относительные положения кодирующей и декодирующей инстанций. В этой направляющей схеме код превращается в единственную инстанцию, которая говорит, которая сама вступает в процесс обмена и воспроизводится через разъединения двух сторон отношения и однозначность (или двусмысленность, или многозначность, но главное - неамбивалентность) сообщения.

Бодрийяр показывает, что такая же схема обособления и ограждения имеет место и на уровне семиотической теории. Каждый знак разрывается на обозначающее и обозначаемое, где одно предназначено другому, но находится в «соответствующем» положении, и каждый знак, из глубин своей принудительной изоляции «общается» со всеми другими знаками через код, именуемый языком. Здесь также налагается запрет на возможность членов вступает в символический обмен за пределами

различия между фонетической формой и смысловым содержанием, как, например, в поэзии. Теория значения служит базовой моделью для теории коммуникации, и произвол знака приобретает политический и идеологический размах в произволе теоретической схемы коммуникации и информации. Этот произвол отражается не только в господствующей социальной практике, характеризующейся монополией передающей стороны и безответностью принимающей стороны, но также бессознательно и во всех попытках разрушить содержание массовой коммуникации.

Кибернетические системы в свою очередь успешно справляются с подменой обоюдности общения обратимостью связи. Современные системы передачи сообщений интегрируют посредством обратной связи и саморегуляции мегасистемы контроля, которые в «реальной» действительности стали ненужными. СМК подразумевают цензуру в самой своей деятельности, поэтому они не только не перестают быть тоталитарным, но в полной мере реализуют идеал того, что можно было бы назвать «децентрализованным тоталитаризмом». На более практическом уровне СМК также выработали способы формальной обратимости своих сетей: переписка с читателями, звонки в студию, телефонные опросы, интернет-голосование и пр., не оставляя при этом места для какого бы то ни было ответа. В символическом же отношении обмена существует синхронный ответ, но нет ни передатчика, ни приемника с той и другой стороны сообщения, равно как не существует и сообщения, т.е. блока информации, которую необходимо расшифровать однозначным образом при помощи кода. Роль символического, по мнению Бодрийяра, состоит в разрушении этой однозначности сообщения, в восстановлении смысла и одновременном уничтожении инстанции кода. Ничто не может изменить содержания сообщения, для этого следует изменить коды прочтения. Принимающая сторона, которая на самом деле таковой не является, играет в этом процессе главную роль, противопоставляя свой собственный код коду передающей стороны, изобретая подлинный ответ и не впадая при этом в ловушку управляемой коммуникации. Коренное изменение коммуникации заключается не в ставке на другой код, а в мгновенной деконструкции господствующего кода. Попытки же сохранить любую из обособленных инстанций структурной сетки коммуникации делают невозможными любые фундаментальные изменения и не позволяют преодолеть рамки манипуляторной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Baudrillard J. Requiem pour les media // Baudrillard J. Pour une critique de l'économie politique du signe. - Paris: Editions Gallimard, 1972. Цит. по: Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа / пер. с франц. М.М. Федоровой // Материалы кафедры социологии культуры Санкт-Петербургского университета / www.soc.pu.ru. - С. 203.